

ПРОЛОГ

*Москва, площадь Коммуны;
июль 1945 года*

Вчерашний прогноз сбился в точности: погода в этот июльский день была отвратительная. Две недели подряд голову пекло стоявшее в зените, посреди чистого голубого неба, солнце, а сегодня — здрасьте-пожалуйста — холодный северо-восточный ветер, тяжелая низкая облачность, мелкий морозящий дождь. Если бы вдобавок к этому с деревьев полетели желтые листья, горожане решили бы, что середина лета в одночасье сменилась серединой осени.

Ударивший сильный порыв едва не сорвал с головы кепку. Ухватив ее широкой ладонью единственной уцелевшей на войне руки, сорокалетний Прохор витиевато выругался и натянул ее поглубже. Затем поднял воротник пиджачка и нехотя ответил на вопрос юного напарника:

— Ты ж пойми, орясина: лоб и борта у танка знатно облеплены броней — так просто ее не взять. На то он и танк, чтоб не замечать пуль с

гранатами. Зато нижний бронелист у него тонкий, аккурат такой же, как верх у башни, — двадцать миллиметров.

Розовощекий оголец¹ Валька с надеждой смотрел на возрастного Прохора.

Но тот огорчил:

— Не, твоей гранатке это не по зубам.

— Как же так?! Такая тяжелая дура и «не по зубам»?! — искренне негодовал мальчишка. — Там же пороху небось цельный фунт!

— Болтай — фунт! Не фунт, а сто десять граммов.

— Все равно жажнет — будь здоров! Так что же, не возьмет, говоришь? Даже если закинуть под брюхо целую связку?

— Связка может опрокинуть, но, опять же, осколками не пробьет. Противотанковая для такого дела требуется. Были у нас такие — «РПГ-41» назывались. Грозная штукавина. Фугасная, кило взрывчатки внутри. Вот та жажала! У нас же с тобой обыкновенная — противопехотная. А с обыкновенными — как повезет.

— Авось подорвем, а?

— На авось, паря, в таких делах надеяться негоже. В бою либо ты врага, либо он тебя, и больше никак. Потому надобно наверняка! Усек?..

Валька был сметлив и понятлив. Правда, кое-какие вопросы в его голове ответов не на-

¹ Оголец — несовершеннолетний преступник.

ЖЕСТОКОЕ ЭХО ВОЙНЫ

ходили. Например, почему о броне и гранатах Прохор рассказывал ему только сейчас — за несколько минут до появления броневедомо-мобиля? Почему не обмозговать все эти заковырки за-ранее?

Что-то главарем банды для будущего успеха, безусловно, делалось. Почти две недели он посылал сюда огольцов для слежки за броневедомо-билем. Меняя одежду и место наблюдения, те раз за разом вынюхивали график, выясняли маршрут движения. А вот в остальном главарь полагался на тот самый «авось», по которому только что язвительно прошелся Прохор.

* * *

Молодой Валька Неукладов и Прохор Панкратов прогуливались по Самотечному бульвару, разбитому между улицами Самотечная и Дурова, прямо перед площадью Коммуны. Редкие прохожие не обращали внимания на эту пару. Ну, гуляет инвалид войны с дождавшимся его сынишкой или племянником — что с того?..

Влево от бульвара уходила кривая Селезневская, вперед прямой стрелой улетала Божедомка, правее виднелся Институтский переулок. А Самотечная далеко позади упиралась в Садовое кольцо. На Садовом кипела жизнь: куда-то спешили сотни пешеходов, двумя потоками в разные стороны бежал транспорт.

На самом бульваре было тихо. Странно, но зажатый между двух проезжих улиц бульварный клин не привлекал толпы людей ни до войны, ни после. Даже в самую хорошую погоду на здешних лавочках под сенью старых лип отдыхали разве что жители соседних домов. Оживленно здесь было только во время войны...

Осенью сорок первого года на площади Коммуны окопалась батарея зенитных пушек «52-К». Причем окопалась — в прямом смысле слова, превратив все вокруг в подобие строительной площадки. На бывшей площади чернели горы открытого грунта, между ними на выровненных площадках стояли зенитные орудия. Повсюду валялись пустые снарядные ящики и бревна для возведения блиндажей, на деревянных колышках качались телефонные провода.

При устройстве батареи военные пощадили только старые липы, да и те были оставлены ради маскировки. Строгие часовые не допускали на позиции горожан, заставляя их обходить запретную зону по остаткам тротуаров. Постепенно облик некогда цветущей мирной площади стал забываться. Однако не прошло и двух месяцев со Дня Победы, как это местечко вновь обрело прежний уютный вид, заиграло на летнем солнце яркими красками. Грунт разровняли, привезли щебень, бордюрный камень, асфальт... Разбили аллеи и цветочные клумбы, заботливо

ЖЕСТОКОЕ ЭХО ВОЙНЫ

высадили цветы, кустарник и новые деревья взамен погибших старых.

Уже в июне на площади появился прекрасный сквер с продолжением в виде бульвара вдоль улицы Самотечной.

* * *

Валька нервничал. В одной руке он держал холщовую сумку, другой машинально таскал из кармана каленые семечки. Его возрастной товарищ степенно вышагивал рядом. Ни во взгляде, ни в жестах, ни в походке его не было и намека на волнение. До появления бронированного автомобиля оставалось минут десять-пятнадцать. Он должен был протарахтеть своим слабеньким двигателем вдоль сквера на площади, затем повернуть к центру города.

— Ты давеча сказывал, будто сталь у броневика пожиже, чем у танка. Так ведь?

— Это я так рассудил вслух. А как оно на самом деле — знать не знаю. Нам ведь никто не дозволил разглядывать тот броневик. Издали изучали...

До сего дня парочка дважды появлялась на площади Коммуны примерно в это же время. Налегке, без холщовой сумки. Так же прогуливались, делая вид, что беспечно болтают за жизнь. Валька лузгал семечки, Прохор смолил папироски. А сами глядели на проползавший мимо броневик.

— Так что же делать, Проша? — развел руками юный корешок, смешно вывернув вперед ладони. — Я так и не понял, как нам с ним сладить.

— Смекалку прояви, — хитро прищурился бывший вояка. Потом скривился и проронил: — Хотя какая у тебя смекалка! Бивень...¹

— Чего сразу бивень-то?!

— А кто ж ты? На фронт бы тебя на полгода — там твои мозги быстро с изнанки на лицо перевернулись бы. Окопная житуха заставила бы. Как нас в сорок первом...

Сегодняшний день для нападения на броневомобиль был выбран главарем банды Беспалым не случайно. Еще вчера в новостях по радио прозвучало предупреждение о надвигавшейся на столицу непогоде. Диктор пообещал резкое понижение температуры, дождь и сильный порывистый ветер. «Подходяще! — довольно потирал руки Беспалый. — В такую погоду улицы опустеют. Ни легавых, ни свидетелей!..»

Он оказался прав: Валька с Прохором за четверть часа насчитали не более десятка прохожих. Сейчас вокруг не было ни души. Свинцовые облака цепляли крыши домов; дождь то слабел, то накатывал свежей волной.

— Беспалый как-то сказывал, что пощипали вас поначалу, — не унимался говорливый малый.

¹ Бивень — придурок.

Дойдя до конца липовой аллеи, Прохор остановился, достал из кармана пачку «Беломора», вытряс папироску, смял гармошкой мундштук... Все это он проделал одной левой рукой — наловчился за год инвалидской жизни. Правую руку сержант потерял в сорок четвертом, и сейчас пустой рукав поношенного пиджака был запровлен в боковой карман.

Отворачиваясь от порывов ветра и капель дождя, старый вояка чиркнул спичкой, выпустил клуб дыма и нехотя процедил:

— Было, чего уж. Хлебнули мы тогда с избытком. Немец в сорок первом пер нагло, похозяйски. Мы все больше драпали, а когда политуки с особистами брали за горло, копали окопчики и шмаляли из винтовок по танкам.

— Из винтовок?!

— Из них, родимых. Потому как ничего другого у нас не было. Патронов и тех по пять штук на брата давали.

— И как же вы?

Прохор прокашлялся, сплюнул на асфальт:

— «Тигры» у немца появились опосля, а в сорок первом нас утюжили «Т-4». Они попроще, поменьше, да все одно страх до костей пронизывал. Ползет на тебя серая туша, не замечая колдобин, приямков, заборов и «колючки». Ощетинилась пушкой, пулеметами, и все ей нипочем. Ничем ее, суку, не взять! Мы-то с дури и со страху гранатами точно в лоб норовили, а там самая толстая

защита. Потом уж догадались — стали кидать под гусеницу.

— Ага! Значит, броневнику тоже под гусеницу нужно?! — просиял Валька.

— Под какую гусеницу, бивень? Нету их у броневика! Али не заметил, что у него колеса?

— Прям заметил! Как не заметить!

— Под колесо — запомни! И желательнее под переднее — где мотор.

— Понял-понял, Проша! Под колесо. Сделаю.

— Я бы сам сделал, — снова закашлялся тот, — да не привык левой швырять. Завсегда правую в этом деле пользовал.

— Справлюсь! Слово даю!..

— Тихо ты! — оборвал его бывший сержант-пехотинец. — Вроде от Божедомки бормочет.

Оба замерли. Бульвар тонул в шелесте липовых крон.

— Ничего не слышу. Одни листья, — развел руками Валька.

— Эх-х, подфартило мне с помощничком, — проворчал Прохор. — Бормочет мотор-то, соберись!..

* * *

Фонд обороны Союза ССР был создан в сорок первом году по инициативе простых советских граждан. Просуществовав до победного сорок пятого года, он собрал в виде добровольных отчислений и именных взносов огромные денеж-

ные средства. В течение войны на них строились боевые корабли и подводные лодки, танковые колонны и авиационные эскадрильи, бронепоезда и артиллерийские батареи. Закупались продовольствие, обмундирование, медикаменты, боеприпасы... Всего за годы войны только жителями Москвы в Фонд было внесено более двух с половиной миллиардов рублей. Ошеломляющая по тем временам сумма!

Денежные переводы продолжали поступать в Фонд и после Победы, когда исчезла необходимость в заказах нового вооружения. И тогда руководство страны приняло решение ликвидировать Фонд обороны, а оставшиеся средства перевести на специальный счет Госбанка СССР, открытый для финансирования восстановления народного хозяйства.

С конца июня сорок пятого года из здания Московского отделения Фонда ежедневно выезжал инкассаторский броневедомство с несколькими опечатанными мешками наличных денег, собранных москвичами и жителями области. Только однажды в неделю броневедомство отвозил деньги в отделения Госбанка, расположенные на севере столицы. Все остальные дни начальный этап маршрута его передвижения оставался неизменным: от площади Борьбы, через Божедомку и Самотечную, до Садового кольца. Далее он направлялся в то отделение Госбанка, куда было предписано доставить наличность.

* * *

На площади Коммуны, в начале Божедомки, дежурил еще один оголец по прозвищу Косой. С глазами у него был порядок. Более того, он прослыл внимательным и зорким малым, а прозвище получил из-за врожденного дефекта верхней губы.

Покуда краснощекий Валька с инвалидом Прохором вслушивались в нараставший гул мотора, Косой просигналил: «Едет!» Подельники, которых вокруг площади рассыпалось более десятка, изготовились к встрече...

Мотор тархтел все ближе. И вот наконец с Божедомки вырулил угловатый узконосый броневедомобиль. От своих боевых собратьев, участвовавших в войне, он отличался отсутствием пулеметной башни. В остальном это был типичный броневик «БА-64». Наклонные стальные листы, выкрашенные в темно-зеленый цвет; люки, бойницы, запасное колесо на корме, закрепленный по бортам шанцевый инструмент...

Валька засуетился и, не спуская глаз с приближавшегося автомобиля, быстро сунул руку в холщовую сумку.

— Да не мельтеши ты, — пробасил Прохор. — Рано еще.

— Помню-помню, — кивнул оголец. — Кидать надо с упреждением, когда останется мет-

ров тридцать. И целить под переднее колесо, верно?

— Все так...

Они продолжали неторопливо вышагивать по аллее. От проезжей части их отделяла неширокая полоса грунта, где росли липы с низким кустарником. Броневи́к приближался, мелькая за растительностью гранеными боками.

Бывший вояка привычно разгладил усы:

— Время, Валек. Изготовься.

Тот послушно вынул гранату «РГ-42», крепко зажал ладонью рукоять и приготовился выдержать кольцо предохранительной чеки.

— Задержка три-четыре секунды, — напомнил Прохор. Затем прищурился, оценивая оставшееся расстояние, и прохрипел: — Давай!

Малец подбежал к ближайшей липе. Спрятавшись за ее стволом, решительно выдернул кольцо, размахнулся и швырнул гранату навстречу броневика.

Бросок вышел не шибко удачным: граната тюкнулась об асфальт короткой рукояткой и, слегка изменив направление, поскакала мимо траектории движения бронемшины.

Матюгнувшись, Прохор гаркнул:

— От неумеха окаянный! Навязался на мою шею!

Упреждение малец рассчитал неплохо, но подвело направление броска. Граната взорвалась